

Вал. А. Луков

**Игорь Михайлович
Ильинский:
вклад в науку**

Научная деятельность Игоря Михайловича Ильинского может быть представлена событиями его жизни. В начале этого пути защита кандидатской диссертации по историческим наукам. Этому событию более 30 лет, и от него выстраивается биография И. М. Ильинского как ученого-гуманитария. Потом научный рост будет означен докторской степенью (1983) и профессорским званием (1986), дипломами действительного члена шести академий, премией Ленинского комсомола в области науки. Он напишет более 40 книг и 500 статей, проведет десятки международных научных конференций, получит международное признание как видный ученый и организатор науки, будет избран вице-президентом исследовательского комитета-34 «Социология молодежи» Международной социологической ассоциации, возглавит подготовку крупнейшего научного и политического проекта конца советской эпохи — «закона о молодежи», выступит руководителем авторских коллективов двух первых государственных докладов о положении молодежи в России и экспертного доклада для ООН «Глобальное положение молодежи мира», создаст Международный институт ЮНЕСКО «Молодежь за культуру мира и демократии». Он станет членом Президиума крупнейшего экспертного органа в области науки Российского гуманитарного научного фонда, инициатором издания и главным редактором научного журнала «Знание. Понимание. Умение». Его имя в науке будет все более известным год от года.

Что же все-таки главное? Что остается в истории науки? Из всего многообразия деятельности Игоря Михайловича мы выделим три позиции, которые составляют то, что есть его вклад в науку по самой придирчивой оценке.

Первая — создание научных концепций молодежи и молодежной политики, воспитания жизнеспособ-

ных поколений, образовательной революции и проектов, в которых эти концепции были реализованы. Одним из итогов этой деятельности стало формирование научной школы социологии молодежи в Московском гуманитарном университете.

Вторая — создание плодотворных научных коллективов: превращение Научно-исследовательского центра ВКШ (НИЦ), который 10 лет возглавлял И. М. Ильинский, а затем Московского гуманитарного университета, ректором которого он является уже более 12 лет, в источник крупных, значимых в масштабах страны научных инноваций.

Третья — разработка новой философии высшего образования («образовательная революция») и модели негосударственного вуза для российских условий, апробация которой в Московском гуманитарном университете дает все более впечатляющие результаты.

Эти три позиции как нельзя лучше соответствуют главному назначению ученого-гуманитария — влиять на понимание людьми самих себя и того общества, в котором они живут, содействовать прогрессивным переменам в жизни.

Присмотримся к вкладу И. М. Ильинского в науку внимательнее.

1. Научные концепции И. М. Ильинского (первая позиция в нашем перечне) следует увидеть в контексте того времени, когда они формировались. Концепция молодежи и молодежной политики¹ содержит немало положений, которые в 1970–1980-е годы, что называется, витали в воздухе. Например, идея трактовать молодежь не только как объект воспитания, но и как субъект социально-ис-

торической деятельности неизбежно вытекала из осмысления «студенческого бунта» в странах Запада 1960-х годов. Ее провозглашали Т. Парсонс и Ш. Эйзенштадт, М. Мид и Л. Розенмайр, теоретики «конфликта поколений» и сторонники культурологического взгляда на молодежь. В нашей стране и других странах социализма этот подход также был принят многими, в основном в теоретической форме. Но были и концепции молодежи, направленные на практику. Из них наиболее влиятельной надо признать концепцию болгарского ученого П.-Э. Митева, возглавлявшего многие годы НИИ молодежи при ЦК ДКСМ. Его положения о социальной реализации и самореализации молодежи легли в основу молодежной политики, проводившейся в Болгарии.

В чем отличие концепции Ильинского от других теоретических конструкций того времени? Прежде всего в цели теоретической разработки: она у Ильинского изначально находится в области общественной практики. Потому у автора нет стремления погрузиться в литературу по вопросу и строить свою концепцию на основе логической конструкции, как это свойственно, например, концепции Митева. Здесь сама установка исследователя может иметь далеко идущие последствия. У Ильинского, например, концепция молодежи и молодежной политики строится на признании в качестве существенных для такой концепции *социальных проблем молодежи* (что у Митева проходит по периферии концепции). В этом плане огромное значение имела публикация в 1987 году большой и в высшей степени дискуссионной для партийных и комсомольских функционеров статьи И. М. Ильинского в теоретическом журнале КПСС «Коммунист». В ней давалась трактовка социального развития молодежи в условиях накопления социальных проблем молодежи. Это был в своем роде запретный термин: проблемы могли иметь отдельные молодые люди и даже коллективы, но ни в этом случае, ни тем более в рамках такого обобщения, как советская молодежь, не допустимо было говорить о *соци-*

альных проблемах, иными словами — проблемах, порожденных данным общественным строем. Точно так же понятие «молодежная политика» применялось главным образом к странам капитала, иногда к социалистическим странам и никогда — к СССР. На терминологическом уровне в этом случае отразилась концептуальная ограниченность всех теорий молодежи, к тому времени разработанных в нашей стране: невозможность формулировать теорию с применением этих и некоторых других понятий, на которые было наложено табу не столько даже партийными идеологами, сколько самим научным сообществом, выходящая из них социально-философское, социологическое и социально-проектное содержание.

Шедший от теоретической схемы Митев строил свою модель молодежной политики на тезисе о различии двух процессов: социализации молодежи и ювентизации общества — эффективным, но довольно абстрактным утверждением. Шедший от практических потребностей Ильинский заложил основания принятого в СССР закона «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР», где среди прочего определены механизмы поддержания разнообразия в молодежном движении, закреплена на правовом уровне идея о социальных службах для молодежи и т. д. Эти практические меры и означали, что вопрос поддержки молодежи, «отеческой заботы» о ней переведен в русло действий государства, направленных на формирование личности молодого человека, содействие молодежным инициативам. Хотя после принятия закона СССР прошло 15 лет, хотя это было время слома социального строя и перехода к другому обществу с другой экономикой, другой политикой, другой идеологией, базовые положения концепции государственной молодежной политики, разработанные в НИЦ, руководимом Ильинским, продолжают свою жизнь, а новые концепции не могут в этот вопрос внести ничего существенно нового.

В период бурных дискуссий о молодежном законе вокруг И. М. Ильинского скла-

дывалась научная школа социологии молодежи. Несколько замечаний об этом. Формальных показателей научных школ, принятых для участников всероссийского конкурса президентских грантов, восемнадцать. Среди них публикации основных результатов и научные премии, полученные коллективом, число докторов и кандидатов наук, подготовленных в коллективе, наличие молодых ученых, реализация и внедрение научных разработок, руководство аспирантами, преподавание и чтение оригинальных учебных курсов, организация научных мероприятий, почетные звания и медали, участие в редколлегиях научных журналов и т. д. Все это есть у нашей научной школы социологии молодежи, если не считать того, что ее основные достижения относятся не к сегодняшнему дню и ведущие позиции во многом потеряны. Но с точки зрения истории науки это ничего не меняет. Если Чикагская социологическая школа исчерпала себя в середине 1930-х годов, то это не значит, что ее не было. Социологи всего мира сегодня не только воздают ей дань как великой научной школе прошлого, но и вновь возвращаются к ее трудам и ее лидерам, находя у них идеи, соответствующие сегодняшним вызовам и ожиданиям.

Тот же подход справедливо принять для осмысления нашей научной школы социологии молодежи. Ее содержательное ядро составляет гуманистическая концепция молодежи и молодежной политики Ильинского. Этим не умаляется труд его предшественников в ВКШ — руководителей социологических секторов, а потом отделов НИЦ. Еще раз надо подчеркнуть: наличие исследований еще не делает научную школу. Что же делает? Крупная задача, которую решить можно только в коллективе с сильным лидером и которая масштабнее и сложнее, чем задачи, решавшиеся коллективом раньше. Задача подтягивает лидера, его соратников и учеников на новый уровень понимания Происходящего. Ильинский взялся за ответственные задачи — выработать основы молодежной политики и реформировать ком-

сомол, коллектив напрягся, как пружина, стал работать в другом ритме, соединились усилия социологов, историков, политологов, специалистов по комсомольскому строительству, по детским организациям — вот тогда и возникло новое качество исследовательской работы, которое принято называть научной школой. Этот порыв не охватил тогда всех сотрудников. Был лидер, и было пассивное ядро, они и решили успех дела.

Представляется важным, что после нескольких лет перерыва И. М. Ильинский вернулся к молодежной теме. И. М. Ильинский утверждает в своих нынешних выступлениях: о молодежи сегодня необходимо говорить в категориях войны. Эта война начата не нами, она — прямое продолжение проигранной Советским Союзом холодной войны. Противник имеет разработанные планы, вкладывает в нашу молодежь огромные материальные ресурсы. Он рассчитывает на передел мира без военного вмешательства: не нужен захват территорий, нужно работать с молодежью. Эта враждебная России молодежная политика дает свои результаты. А у нас-то что в ответ? И. М. Ильинский подчеркивает: молодежная политика — это центральное звено политики национальной безопасности, берущей начало в настоящем и обращенной — от поколения к поколению — в далекое будущее. Возможно, здесь возникнет импульс к возрождению научной школы социологии молодежи МосГУ на основе нового общественного вызова.

2. Это замечание позволяет перейти ко второй из выделенных заслуг И. М. Ильинского перед наукой — к превращению руководимых им научных и образовательных коллективов в источник научных инноваций. Сначала о НИЦе. Функции его были предопределены тем, что на определенном этапе своего развития правящие партии в ряде стран социализма поняли: конечно, молодежь — надежда и будущее общества, но одновременно и большой риск для власти, предмет опасений и — как и показали дальнейшие события — проблема национальной безопасности. Тогда появились институты

и центры проблем молодежи при правительственных органах и центральных комитетах союзов молодежи — институт Петра Митева в Болгарии, институт Вальтера Фридриха в ГДР, институт Мариана Бальцерка в Польше, институт Овидиу Бэдины в Румынии и др. На эти институты возлагались задачи не только вести собственные исследования, но и координировать научно-исследовательскую работу по проблемам молодежи в стране. Подобную функцию выполнял и созданный в 1976 году Научно-исследовательский центр ВКШ при ЦК ВЛКСМ.

И. М. Ильинский с середины 1970-х годов оказался в центре активной работы по соединению усилий специалистов в области молодежных исследований в масштабах страны: в 1975 году был создан Общественный Совет по координации научных исследований проблем молодежи при ЦК ВЛКСМ и Академии педагогических наук СССР, а с 1985 году в состав его учредителей вошли также АН СССР и Минвуз СССР. План работы Общественного Совета на 1986–1990 гг. включал 359 тем научных исследований, исполнителями которых были Московский и Ленинградский госуниверситеты, Институты философии, социологии, экономики АН СССР, Высшая комсомольская школа и ее НИЦ и т. п. — всего 190 организаций в качестве головных и 290 в качестве соисполнителей. Главным ученым секретарем Совета в 1985–1991 гг. был И. М. Ильинский, который с 1984 года возглавлял Научно-исследовательский центр ВКШ, а именно НИЦ был утвержден базовой организацией Общественного Совета. В составе НИЦ в середине 1980-х годов было свыше 30 отделов, секторов, лабораторий, более 220 сотрудников. Здесь, в Совете и НИЦ как его базовой организации, взаимодействовали практически все крупные советские исследователи проблем молодежи — московские, ленинградские, уральские, киевские, минские, прибалтийские... В этом отношении попытки некоторых авторов (В. В. Семенова, Ю. Г. Волков и др.) представить роль НИЦ в развитии отечественной социологии молодежи как уч-

реждения, лишь выполнявшего «комсомольские» исследования, которые «носили скорее «заказной» характер и «подверстывались» под разработку планов социального развития в разделе «коммунистическое воспитание молодежи»², неуклюжи, а деление социологов молодежи советского времени на «чистых» и «нечистых», на свободных правдоискателей и службу Системы не исторично.

При Ильинском в НИЦ сложились или получили новый импульс к развитию такие направления исследований, как изучение общественного мнения молодежи и ее ценностных ориентаций, международное молодежное движение, неформальные объединения молодежи, история ВЛКСМ, социальные патологии в молодежной среде и др. На каждом из этих направлений НИЦ создал оригинальные концепции и осуществил эмпирические исследования, подготовил фундаментальные научные труды. Особое значение имели развитие теории и анализ практики комсомольского строительства. Вокруг этого направления развернулась интенсивная научная работа в период, когда появились первые признаки кризиса в комсомоле. Иногда создавалось впечатление, что Ильинский держал баррикаду против ЦК ВЛКСМ, создавая там стрессы после каждой громкой публикации в «Комсомольской правде», дискуссии на телевидении, на радио, в многотысячных аудиториях. Отсюда нити исследований тянулись к «закону о молодежи» — единственному в своем роде примеру действительно всенародного обсуждения законопроекта, а точнее — молодежных проблем советского общества.

НИЦ при Ильинском сформировался как междисциплинарное сообщество исследователей молодежных проблем. Дело не в структуре и не в тематике отделов. Начиная с 1970-х годов мы имели возможность наблюдать многочисленные попытки сформировать единую науку о молодежи — ювенологию, ювентологию, юнологию. В самое последнее время эту идею пропагандируют В. В. Павловский, Е. Г. Слуцкий (возглавляю-

ший Национальную академию ювенологии) и др. Сама идея заслуживает внимания как попытка преодолеть расчлененность молодежи на предметы исследования отдельных наук и перейти к интегральному изучению этого феномена. Но на практике междисциплинарность исследований в рамках ювенологии только декларируется. Ювенологические исследования остаются суммой исследований биомедицинских, социологических, психологических и т. д., разве что собранных под одним книжным переплетом. Проблема не в том, чтобы найти новое название для комплексных исследований молодежи, а в том, чтобы сделать такие исследования комплексными. Можно сказать, она в институциональном плане неразрешима. Путь к междисциплинарным исследованиям лежит не в перемешивании предметов и методов наук, а в использовании особых свойств мышления некоторых ученых, которые могут интерпретировать данные различных наук, сопоставляя их, дополняя одни другими и переходя к генерализации этих данных в формах концепций или «теоретических перспектив».

Благодаря тому что И. М. Ильинский обладает такими свойствами ума и поощряет их в других ученых, НИЦ смог в большей или меньшей мере стать междисциплинарным центром, что и означает, что директор и несколько его сотрудников оказались способными к междисциплинарному типу мышления и реализовали эти свои способности в исследовательской практике. Это и есть главный ресурс НИЦевских инноваций. Стоит ли удивляться, что из работавших в Центре сотрудников защитили докторские диссертации более 30 человек (среди них — сидящие в этом зале профессора Э. Ш. Камалдинова, Е. Д. Катувский, А. И. Ковалева, В. К. Криворученко, В. А. Луков, В. П. Мошняга, М. М. Мухамеджанов, С. И. Плаксий, Б. А. Ручкин, В. Ц. Худавердян, А. И. Шендик). Не все из них были сторонниками И. М. Ильинского, но в этом и секрет научных сообществ: *атмосфера* науки и творчества рождает науку и творчество.

Тот же эффект источника научных инноваций возник в Институте молодежи, а затем МГСА и МосГУ, когда ректором стал И. М. Ильинский. Последний показательный пример — разработка Образовательного стандарта МосГУ. С самого начала здесь была заложена идея не технического, а научно-исследовательского характера. Образовательный стандарт задан государством, но вуз имеет возможность в его пределах реализовать и свои возможности в, так сказать, автономном режиме. Какой путь выбрать? Вложить в стандарт то, что вытекает из научных исследований коллектива? Да, конечно. Перевернуть задачу и пойти в содержании и формах образования от потребностей практики? Да, конечно. Но эти стороны работы не исчерпали замысла ректора. А суть замысла в том, что выпускаемый вузом специалист приобретает не только профессиональные знания, не только оказывается успешным на рынке труда, потому что соответствует ожиданиям работодателя, но и готов к самостоятельной жизни в полном смысле слова, обретает жизнеспособность в масштабах вызовов времени. Это стратегическая для личности — а значит, для вуза — задача. И вновь вуз напряг мозги, работа шла на факультетах, кафедрах, в штабе образовательных программ — УМУ, в научных подразделениях. Вновь масштабная задача поднимала коллектив.

3. В решении таких задач меняется и сам ректор. В своих новых научных работах он все более определенно выступает как *социальный философ* и достигает значительных результатов, разрабатывая философию высшего образования. Это третья позиция, которая отражает вклад И. М. Ильинского в современную науку. Обстоятельный доклад по этой теме подготовил С. И. Плаксий, потому что здесь отмечу только то, что И. М. Ильинский переосмыслил проблему высшего образования в России как проблему не структур, не ЕГЭ или других технологических идей реформы (модернизации) высшей школы, провоцирующих полемику в ректорском корпусе, а как проблему со-

держания образования. Мы свидетели и участники процесса интенсивного изменения гуманитарного знания. Как строить образовательный процесс в вузе, чтобы не оказаться в разрыве с жизнью и новыми требованиями к выпускнику? Ответить на этот вопрос — значит понять суть происходящих в мире изменений. В этом направлении и пошел И. М. Ильинский, выдвигая идеи «образовательной революции». Он взял на себя труд и смелость осмыслить Происходящее в его социально-философских характеристиках.

Формирование социально-философской картины мира не может быть делом, выполняемым на заказ, на научный грант и т. п. Оно слишком длительно, требует глубоких раздумий и не обязательно закончится результативно. Посмотрите на обобщающую книгу Ильинского «Между Будущим и Прошлым». В ней есть фрагменты, написанные четверть века назад. Из мозаики статей, заметок на полях, набросков для себя, дневниковых записей складывается то, что не пишется как спланированная монография. Это тот же путь, что прошел полтысячелетия назад Мишель Монтень, собирая годами свои «Опыты» и склеивая их, как осколки разбитой вазы, а выходит, что — фрагменты целостного мировоззрения и понимания жизненных ценностей, по которым мы изучаем сегодня человека Эпохи Возрождения. Книга Ильинского уже получила похвальные рецензии, но, думается, ее философское значение раскроется позже и не для всех. Ее выход почти совпал с избранием И. М. Ильинского президентом Русского интеллектуального клуба, созданного по его инициативе вместе с Н. Н. Моисеевым и А. А. Зиновьевым в 1999 году. Дискуссии в клубе в немалой мере определили движение И. М. Ильинского в сторону обобщений социально-философского характера.

Таковы три основные достижения, которые составляют вклад И. М. Ильинского в гуманитарную науку.

Что отличает *научный стиль* И. М. Ильинского? Думается, три черты характеризуют

главное, другие их дополняют и развивают, обнаруживают свое значение в тех или иных ситуациях, триада же главных черт проявляется всегда или почти всегда.

Первая черта — *концептуальность*. Она обнаруживается в выступлениях на конференциях, в монографиях, статьях, в обычных разговорах. Это свойство мучительно, оно не отпускает автора, даже когда надо сделать нечто, по общим понятиям, вполне ординарное, отчетное, учетное и т. п. Концептуален, к примеру, каждый из докладов И. М. Ильинского на августовском совещании профессорско-преподавательского состава Московского гуманитарного университета. Между тем это вовсе не обязанность ректора каждый раз ставить перед коллективом цели на концептуальном уровне. Многие вузы обходятся отчетом о проделанной работе и краткосрочными задачами.

И действительно, концепция не может делаться по обязанности. Это особый вид интеллектуального труда, требующий необычного устройства мозгов и специфического умения осмысливать и конструировать социальную реальность.

Что такое концепция? Когда под нею понимают общие теоретические положения и даже систему взглядов, этим мало что проясняется. В гуманитарном знании концепцией следует считать те общие положения, которые 1) сформулированы и зафиксированы Автором; 2) поняты Другим; 3) в силу этого (в силу понятности) раскрывают Другому новые горизонты («так вот в чем дело!»), встраиваются в его тезаурус; 4) показывают ему дорогу — становятся импульсом действия (проекта).

Таким образом, дело совсем не в том, что некий текст может называться концепцией, это даже не обязательно. Концепцию отличает выстраивание моста между Автором и Другим с далеко идущими последствиями, к которым можно отнести, среди прочего, формирование научных школ, передачу теоретического импульса в сферу практики, преодоление дистанции между «своими» и «чужими» и т. д.

Вторая черта — *доминанта практической цели над целью теоретической*. Эта черта парадоксально сочетается с концептуализмом. Казалось бы, из умения концептуализировать исследовательскую задачу вытекает теоретический стиль мышления. Концептуалисту теория должна даваться легче, он лучше чувствует себя там, где можно пренебречь «презренной пользой». Нередко это ведет к научному снобизму, игре в определение и переопределение понятий, возведению барьеров между науками и даже отраслями в пределах одной науки и т. п.

Научный стиль И. М. Ильинского в своих основаниях не таков. Исследования теоретические, трактовки понятий, разоблачение логических ошибок оппонентов — все это есть в его трудах. Но труды эти никогда не писались собственно для целей теоретической систематизации. У мастера концептуализации нет авторских учебников по социальной философии, социологии, политологии, теории воспитания, теории организации, хотя его вклад в эти области гуманитарного знания широко признан, у него нет монографий по «чистой» теории и методологии науки. Его такой труд не привлекает. Теория вопроса, как и концептуализация исследовательского предмета, его занимают лишь тогда и лишь в той мере, в какой они соотносятся с задачей, поставленной практикой, и помогают ее осмыслить и затем решать более основательно, более разумно, более точно, нежели это бы было без обращения к теории.

Надо сказать, это вовсе не частый тип ученого в среде гуманитариев. Практическая задача слишком часто застаёт интеллектуала врасплох, схемы его мышления, прекрасно приспособленные к дискурсу научного сообщества, оказываются неприменимыми, он неинтересен даже своим коллегам, пока не вернется в мир высокой теории, великих имен и освященных славой текстов. «Практики» же, скрываясь этим самоназванием от серьезной интеллектуальной работы, часто оказываются не в состоянии решить как раз практические задачи, не понимая их смысла

и назначения. В И. М. Ильинском нет извечного противоречия теоретика и практика, он выстроил иерархию своих целей так, что для него теория теряет автономность и принадлежность избранным, она встроена в инструмент реализации актуального практического замысла.

Наконец, третья основная черта, характеризующая научный стиль И. М. Ильинского, — его *интуиция*. Возможно, с детства в сибирском селе Петушиха, с тех лет, когда ему, эвакуированному из блокадного Ленинграда подростку, пришлось в полной мере освоить социальные практики выживания, нынешний ректор МосГУ научился активизировать свои сильные личностные качества — наблюдательность, смелость, быструю реакцию, упорство в достижении цели, непреклонность перед противником, даже всемогущим. В таком круговороте жизни без интуиции не обойтись.

Из сферы повседневности интуиция перешла у И. М. Ильинского в сферу научного поиска. Она, между прочим, превосходно соединилась с концептуальностью и практической ориентированностью. В чем ее можно заметить? Прежде всего в выборе актуальной проблемы, требующей масштабного решения, когда такого масштабного решения еще не найдено.

Наблюдение за работой И. М. Ильинского показывает: он интеллектуально вспыхивает в момент, когда практическая задача *призывает* его напрячься и становится *делом чести*. Так было, когда он шел к идее государственной молодежной политики, так было, когда он трансформировал вуз из номенклатурного учреждения во «флагман негосударственного образования в России».

Теоретические положения его концепций не обязательно были произнесенными впервые. Но их соединение, их контексты, их переосмысление всякий раз в ситуации интеллектуального и социального вызова оказывались новаторскими, неожиданными, продуктивными.

В биографии И. М. Ильинского есть несколько поворотных этапов, когда он высту-

пал как признанный лидер научного сообщества, был генератором идей и мотором их реализации.

Может быть, и 2006 год станет для него знаменательным в научном познании мира и человека в мире. Три новые книги Игоря Михайловича Ильинского позволяют думать, что это очень вероятно.

¹ Наиболее полное изложение концепции содержится в книге: Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. М., 2001. См. также: Ильинский И. М. Образование. Молодежь. Человек. М., 2006.

² Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 136.